

НАРОДЫ СССР

В. А. Анучин, А. И. Спиридонов. *Закарпатская область* (Научно-популярное географическое описание). Географгиз, М., 1947, 174 стр.

Рецензируемая книга содержит краткое введение и четыре главы («Природа», «Население», «Хозяйство» и «Основные внутриобластные различия»). В конце книги приложен список литературы. Появление такого очерка вызывает у советских читателей большой интерес, ибо Закарпатье по своему географическому положению находится как бы на стыке трех славянских народных ветвей: восточной, западной и южной. Здесь в силу исторических условий сохранилось много элементов материальной и духовной культуры, весьма характерных для восточных славян более раннего периода их истории, особенно XIII — XIV вв. Историку, археологу, этнографу, лингвисту, да и каждому интересующемуся Закарпатьем историко-географическое описание этого уголка славянской территории, сделанное компетентными лицами, помогло бы выяснить те причины, в силу которых здесь сохранилось так много интересного и важного для решения ряда исторических проблем.

К сожалению, разбираемая книга не удовлетворяет самым скромным требованиям. При первом же знакомлении с ней удивляет пестрота топонимики, приведенной на страницах очерка. Так, например, на стр. 18 и 146 читаем «Бочков», на стр. 45, 127, 129 и 159 «Вельки Бочков», а на картах, помещенных на стр. 128 и 147. — «Вел. Бычкôв»; на стр. 50 читаем «Вельке Березне», на картах на стр. 101, 111 и 122 — «Вел. Березна», на стр. 100 — «В. Березновский», а на стр. 119 и 120 — «Верх. Березнянский»; на стр. 19, 143 и 145 значится «Терешва», на стр. 125 «Тересва» (кстати, местное население знает «Тересву», но не знает «Терешвы»); встречается «Устюрне» и «Усть-Черна»; «Нижне Верезский» (стр. 100) и «Ниж. Верезки» (стр. 138) и т. д. На карте, помещенной на стр. 147, одна и та же река Латорица имеет по воле авторов два названия «Латорица» в верховьях, до слияния с притоками у г. Свалявы, а ниже города — «Уж». Интересно знать, какое же название авторами дано реке Уж, протекающей через Ужгород, ибо на той же карте эта река совсем не показана. Искажены до неузнаваемости названия и многих других пунктов: «Кусница», «Лютя», «Пришлоп», «Бильки» и т. д. Собственно географический очерк весьма краток; книга посвящена, кроме географии Закарпатья, еще этногенезу, истории, этнографии, экономике и многим другим вопросам. Вместо детального географического очерка у авторов получились невероятная путаница, искажение фактов и событий, а иногда и политически вредные измышления.

Освещая историю заселения Закарпатья, авторы утверждают: «Все народы, жившие в этом крае, исчезли, не оставив своего непосредственного явного следа в хозяйственном укладе, в обычаях и нравах жителей Закарпатья. Первым народом, положившим начало сельскохозяйственной культуре и промыслам... были славяне» (стр. 63). Советской наукой доказано, что народы бесследно не исчезают. Появление одних и исчезновение других народов происходят в результате длительного процесса скрещения различных племенных групп. Археологические материалы свидетельствуют о сложном процессе скрещения различных культур на территории Закарпатья, начиная с древнейших времен и до становления славян, в частности восточных, занимающих эту территорию до настоящего времени. М. А. Тиханова убедительно показала картину этого, весьма сложного процесса новых этнических образований¹.

Географическое положение северного и южного Прикарпатья было одной из важных причин сложности его исторического развития. «Именно здесь этот процесс скрещения отдельных мелких племен, процесс воздействия различных культур, в первую очередь провинциально-римской, на старую, веками слагавшуюся культуру местного земледельческого населения протекал особенно выразительно и сложно»². Археологический материал (могильники, отдельные погребения, селища и т. п.) показывает сходство культуры в первые века н. э. на огромной территории, начиная от Галиции до Черного моря, включая территорию Закарпатья, Семиградья, Румынии и Молдавии³. Памятники IV — VI вв. выявляют «чрезвычайное сходство керамики на широком пространстве Поднестровья и Среднего Днепра, затем в Посанье и Верхнем Повислянье, а местами к югу от Карпат в Семиградье»⁴. Эта керамика весьма близка к позднейшей славянской керамике и поэтому является одним из характерных показателей того, что славяне формировались на обширной территории путем сложного скрещения многих различных племенных групп, создавших культурный массив, предшествовавший славянской культуре.

¹ М. А. Тиханова, *Культура западных областей Украины в первые века н. э.* (К вопросу об этногенезе восточных славян), «Материалы и исследования по археологии СССР», № 6, 1941, стр. 247.

² Там же.

³ Там же, стр. 258.

⁴ Там же, стр. 265.

Ссылаясь на Плиния Старшего и Тацита, авторы указывают, что первое упоминание о предках славян I и II вв. относится к Карпатам. На самом деле Плиний Старший в 37-й книге «Естественной истории» указывает на побережье Балтийского моря, а не на Карпаты. «Некоторые рассказывают,— пишет Плиний,— что здесь (у Каданского залива) живут до р. Вистулы сарматы, венеды, скифы, гиры. Называется Килиненским заливом, а в устье его остров Латрис. Вскоре другой залив, Лагнус, смежный с кимврами. Кимврийский мыс, выдаваясь в море, образует полуостров, который называется Картрис»⁵. Здесь речь идет о Данцигском и Штеттинском заливах Балтийского моря, а не о Карпатах. На Карпатах Плинию известны бастарны, которые, по сообщению Полибия (205—123 г. до н. э.), были давно известны на побережье Черного моря. Ссылка авторов на Тацита также неверна, ибо Тацит говорит о венетах (венетах), проживающих на р. Висле восточнее Швеции (т. е. Германии), а не на территории Закарпатья. О «венедских» горах упоминает Птолемей Клавдий (умер около 178 г), который также указывает, что славянские племена — венеты занимали огромнейшую территорию от Балтийского моря до верховьев Вислы. На территории же Закарпатья Птолемей Клавдий упоминает певкинов и бастарнов (над Дакнией, к северу).

На юге Карпат, т. е. в Закарпатье, бастарны появились около 200 г. до н. э., откуда распространились до Черного моря (Понта), как указывает Димитрий Калиатис. По Пейтингеровой таблице IV—V вв. бастарны также занимают Карпатские горы. Анализируя крупнейший материал, М. А. Тиханова делает вполне правильное обобщение, что «бастарны (а не венеты, как пишут наши авторы.— И. С.) не только в первые века до нашей эры, но и позднее территориально связаны с Карпатами, Галичиной, Западным Подольем и, наконец, Нижним Дунаем»⁶. Кто такие бастарны? Это был союз многих племен (см. сообщения Тита Ливия и др.), в который входили костобоки, бесты, карпы и др. По многим источникам, костобоки и бесты являлись старинными жителями Карпат (северо-восточного и южного Прикарпатья). Позже, т. е. в IV в. н. э., они входили в антский союз племен, борющийся с готами. А. Д. Удальцов указывает, что «в рамках этого союза идет скрещение сложившихся уже славян-спалов со славянизирующимися фракийцами и сармато-аланами, которое дает образование восточных славян-антов»⁷. Венедов же историки считают предшественниками западных славян⁸.

Приведенные выше факты опровергают совершенно неверные утверждения В. А. Анучина и А. И. Спиридонова о том, что именно в Закарпатье «возникли первые центры сосредоточения славянских племен» (стр. 63). Никак нельзя согласиться с авторами в том, что «существование государственных объединений карпатских славян в IV—VII вв. н. э. (например, так называемого антского союза) подтверждается достаточно достоверными документами» (стр. 64). В действительности исторические документы говорят о другом центре антского союза, находящемся далеко на восток от Карпат. Академик Б. Д. Греков неоднократно указывал в своих работах, что «анты были расположены в VI в. на территории от северо-восточного склона Карпат до Дона и далеко к северу, т. е. они занимали основную территорию будущего Киевского государства»⁹. На этой же территории располагают антов Н. С. Державин, А. Д. Удальцов, Б. А. Рыбаков и многие другие.

Необоснован и второй тезис В. А. Анучина и А. И. Спиридонова, что «первые независимые государственные объединения существовали на Карпатах с V до IX в.» (стр. 66). Что представляли собой эти объединения, какие племена и народы входили в них, кто их возглавлял,— авторы не указывают и, очевидно, понимают под ними тот же антский союз, на который указали выше (и то в скобках). Приведенный тезис принадлежал авторам, очевидно, для того, чтобы оправдать другой, явно надуманный тезис. По В. А. Анучину и А. И. Спиридонову, Киев и Киевское государство образовались только потому, что сюда пришли опытные люди из Закарпатья и здесь поселились. Авторы так и заявляют: «Киевская Русь была последней более ранних государственных образований, существовавших на Карпатах» (стр. 64); «значительная часть карпатского населения переселилась к Днепру, где вырос новый более мощный центр — Киев» (стр. 65).

Мы уже указывали выше, что антский союз, на который ссылаются В. А. Анучин и А. И. Спиридонов, образовался на территории между Днестром, Днепром и Доном, но его центр ни в коем случае не мог быть в Закарпатье. Именно этот

⁵ Цитирую по книге: Н. С. Державин, Происхождение русского народа, 1944, стр. 21.

⁶ М. А. Тиханова, Указ. раб., стр. 272.

⁷ А. Д. Удальцов, Основные вопросы этногенеза славян, «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 13.

⁸ М. Н. Тихомиров, Исторические связи русского народа с южными славянами, «Славянский сборник», 1947, стр. 126; А. Д. Удальцов, Основные вопросы этногенеза славян, стр. 9—12 и др.

⁹ Б. Д. Греков, Киевская Русь, 1944, стр. 240.

антский союз наши советские историки считают предшественником Киевского государства, а не какой-либо иной союз или «государственное объединение».

Последующие страницы книги содержат самые противоречивые, неверные утверждения. Так, на стр. 68 авторы считают, что хозяйство Закарпатья находилось на весьма низком уровне и что прогрессивные изменения в хозяйстве Закарпатья стали происходить только тогда, когда пришли мадьяры, организовали свое государство и «доросли до феодализма». Несколькими строками ниже мы узнаем, что этот прогресс заключался в закабалении славянского населения. На стр. 69 так и сказано: «Создав сильное государство, мадьярские феодалы превратили их (славян. — И. С.) в крепостных и начинают обращаться с ними как с отсталым, темным народом, не способным ни на что другое, кроме тяжелого труда на помещичьих землях». Как видим, одно заявление противоречит другому, а все вместе свидетельствует об отсутствии хотя бы элементарных познаний в области истории. Венгры, пришедшие в Закарпатье, да и вообще на Дунай, по культуре стояли гораздо ниже местного славянского населения. Общеизвестно, что именно поэтому венгры восприняли от славян всю технику земледелия, а вместе с ней и терминологию, так как своей не имели, ибо не знали земледелия. От местного славянского населения венгры восприняли и много других элементов культуры. Известно также, что закабаление славянского населения Закарпатья венгерскими феодалами началось не сразу после прихода венгров; им потребовалось немало времени, чтобы устранить или ассимилировать сначала славянскую феодальную верхушку, державшую в своем подчинении закарпатских славян.

Среди провенгерских авторов, занимавшихся историей, не мало таких, которые совершенно отрицают исконную принадлежность территории Закарпатья восточным славянам. Например, А. Годинка, оправдывая венгерскую политику в Закарпатье, писал, что русские (т. е. нынешние украинцы) в древней Мадьярии не являлись коренным населением, они якобы переселились туда не ранее XIII—XIV вв. по приглашению венгерских князей и помещиков и поселились там в качестве крепостных¹⁰. Той же точки зрения придерживался и Иоанн Карачоний в своей работе «Историческое право мадьярской нации на территории нашей родины, от Карпат до Адриатического моря»¹¹. В. Гаджега солидаризуется с Годинкой и Карачонием, подкрепляя их вымыслы своим собственным, что якобы первое упоминание о русских в Закарпатье относится к 1254 г. Далее он утверждает, что заселение Закарпатья произошло после 1351 г., когда по разрешению венгров в Закарпатье пришло около 60 000 поселенцев во главе с Кариатовичем, которые расселились в Ужгородской и соседних жупах¹².

Ту же «концепцию» мы находим и на страницах рецензируемого очерка В. А. Анучин и А. И. Спиридонов (на стр. 70 и др.) почти дословно повторяют то же, что говорил Гаджега. Они пишут, что Кариатович пришел со своей почти сотрискатысячной дружиной в Закарпатье, где получил от венгров вотчину в 300 сел, что знаменовало «значительную колонизацию Закарпатской области», так как сюда устремились «наиболее смелые» из Киевской Руси и из Галицкого княжества.

Все это совершенно неверно. К первым векам н. э. на территории Закарпатья, как и на восток от него, уже сложились восточные славяне и с тех пор никогда не покидали своей территории. Следовательно, при Кариатовиче Закарпатье было заселено восточными славянами. Пришедшая же с Кариатовичем немногочисленная дружина растворилась в местном славянском населении. Эта дружина вряд ли насчитывала 40 тыс. чел.; надо полагать, что это был небольшой отряд. Поэтому никак нельзя считать период Кариатовича «значительной колонизацией».

Однако отрицание массовой колонизации Закарпатья славянами в XIV—XV вв. не означает утверждение, что туда совсем не проникли восточнославянские элементы. На протяжении всей истории славян шло передвижение населения из Подолии и Галиции в Закарпатье и обратно, но оно не носило массового характера. Приходившее с севера или востока и оседавшее в Закарпатье население привносило в материальную и духовную культуру местных жителей хотя и близкие, родственные, но несколько отличные элементы. Зато само оно воспринимало местную культуру, растворяясь в местном населении. Этот процесс способствовал тому, что в Закарпатье, несмотря на подчиненность венграм, местное восточнославянское население с самого начала своего формирования не было оторвано от восточных соседей, а было связано с ними и сохраняло единство культуры и языка.

¹⁰ А. Годинка, *A munkácsi görög — kath püspökség története* (История Мукачевского греко-каатолического епископства), Будапешт, 1909, стр. 58—59.

¹¹ Издана в 1916 г. на мадьярском языке: *A magyar nemzet történeti joga hazánk területe her a Karpatoktól le az Adriáig*. Nagyvad, 1916.

¹² В. Гаджега, *Додатки до истории русинов и русских церквей, в бун. жупы Земплинской.* — См. Науковий зборник товариства «Просвіта» в Ужгороді за 1932 г., стр. 45.

Антиисторичным является отрицание В. А. Ануциным и А. И. Спиридоновым наличия классов среди украинского населения Закарпаття. На стр. 71 читаем: «Мадьяры и немцы представляли господствующие слои феодального общества, украинцы составляли остальной эксплуатируемый народ». Несколько неуверенно то же повторяется на стр. 81: «Социальное неравенство продолжало здесь в значительной мере совпадать с национальным делением». Зато на стр. 85 тот же тезис гласит категорически: «Социальное неравенство продолжало совпадать с национальной принадлежностью». Первые два высказывания относятся к периоду господства венгров, а третье — к тому времени, когда Закарпатием управляла Чехословакия. В связи с этим авторы дали неправильное освещение и социальной структуры землепользования за 1914, 1919 и 1944 гг. Если верить таблице, данной на стр. 85, то в Закарпатье вообще не было безземельных, они появились только к 1944 г. В действительности же безземельные составляли значительный процент всего населения. Они пополняли ряды эмигрантов, уехавших на заработки в Америку, Францию, Швейцарию и другие места: численность их за последние годы перед второй мировой войной превышала 300 тыс. Таких же взглядов придерживаются буржуазно-националистические круги различных оттенков, начиная от фашистского агента А. Волошина и его последователей и кончая Недзельским, Контратовичем, Бирчаком и др. Волошинцы и их приверженцы, оправдывая свои сепаратистские стремления, утверждали, что украинцы Закарпаття представляют один класс, следовательно, речи о классовой борьбе в Закарпатье быть не может. Вместо классовой борьбы они призывали украинское население направить свои силы на отделение от восточных славян, на образование «самостоятельной республики» под эгидой немцев.

Никто не оспаривает того, что в течение многих веков закарпатские украинцы претерпевали национальный гнет и экономическое порабощение. Однако было бы неверно отрицать наличие классов и классовой борьбы среди украинцев, как и среди венгров. Даже Контратович, в принципе отрицавший классовую борьбу, в своей истории Ужгорода все же отмечает еще в XIII и последующих веках наличие социального неравенства¹³. Документы XVIII в. свидетельствуют о процессе обнищания части крестьянского населения. Капиталистическое развитие не минуло Закарпаття, и здесь, начиная со второй половины XIX в., а особенно в XX в., вплоть до начала второй мировой войны шел интенсивный процесс пауеризации, с одной стороны, и выделения из общей массы сравнительно небольшой кучки кулаков — с другой. Наряду с этим появился и пролетариат, хотя и немногочисленный. Особенностью классовой борьбы в Закарпатье было то, что она тесно переплеталась с борьбой национальной и подчас последняя затушевывала первую. Этого совсем не поняли наши авторы. Весьма красноречиво рассказывает само население о происходившем на их глазах процессе расслоения. Так, жители села Вульховцы, Тячевского округа в 1947 г. заявляли мне: «Первыми на месте, где образовалось село, поселились Чонки, которые тогда назывались «бойками». Тогда «бойками» называли бедный, простой народ, часто безземельный и, как правило, «безхудобный» (т. е. без скота и сельскохозяйственного инвентаря). Такие люди никаких прав не имели. С течением времени некоторым Чонкам удалось разбогатеть и их стали называть «нямышами». «Нямыша» — это что-то вроде дворянина, во всяком случае это привилегированное лицо, пользующееся большими правами и почетом у венгерских властей. К таким «нямышам» до воссоединения с СССР относились указанные выше Чонки, затем Бокочи, Дьордяи, Вибны, Оприши, а к бедным, т. е. к «бойкам» относятся Майоры, Йовдичи, Биланычи, Шафоры, Цирики и др. (в общем количестве 59 дворов), а Бедевельские, насчитывающие 20 дворов, являются потомственными пастухами».

В связи с изложенным укажем на неправильное толкование роли Духновича (стр. 77, 81, 88). В. А. Ануцин и А. И. Спиридонов называют Духновича «вождем славяно-русского движения». Что Духнович в XIX в. играл довольно видную роль в движении за сближение с русскими, никто этого отрицать не будет. Но Духнович являлся сторонником монархии, был против классовой борьбы, против революции. Духнович, вместо того чтобы в 1848 г. повести украинский народ вместе с революционной частью венгров на борьбу с венгерским феодальным монархизмом, поддерживал войску царской России, подавлявшие венгерскую революцию. Тогда он был ярким сторонником австрийской монархии, надеясь в рамках последней получить «автономию» для Закарпаття. Но из автономии ничего не вышло, поэтому Духнович стал пропагандировать ориентацию на царскую Россию. Нельзя отрицать того, что именно в это время Духнович много сделал для распространения русского языка и русской литературы в Закарпатье. В начале XX в. возникло и культурно-просветительное общество имени Духновича. Но оно возглавлялось такой частью интеллигенции, которая считала возможным вести только просветительную работу и борьбу за национальную независимость; эта интеллигенция была очень далека от классовой точки зрения. Среди членов этого общества находились и такие, которые утверждали, что у украинцев Закарпаття якобы нет классов. Отмечая роль Духновича, надо оценивать ее с нашей, марксистской, точки зрения, а не возводить Духновича в вожди, как делают авторы.

¹³ М. Контратович, К истории стародавнего Ужгорода и Подкарпатской Руси до XIV в., Ужгород, 1928, стр. 17.

Желая дать этническую характеристику населения Закарпатья, В. А. Анучин и А. И. Спиридонов делают самые противоречивые утверждения. Так, на стр. 91 мы узнаем, что в Закарпатье «собирались гуцульские дружины, защищавшие край от пришлых врагов». Но откуда появились дружины и от кого защищали,— авторы не говорят ни слова. Там же читаем, что восточная часть Закарпатья заселена «потомками вольных гуцульских дружин, сохранивших название «гуцул» в качестве своей национальной принадлежности». Откуда же взято слово «гуцул», почему оно стало национальным признаком и, самое главное, к какой национальности принадлежат «гуцульские дружины» и их потомки, нынешние гуцулы? Ответа на эти вопросы не находим, но зато на стр. 95 читаем нечто, прямо противоположное: «Присмотревшись ближе, легко убедиться, что они (гуцулы.— И. С.) не только по языку, но и по основным чертам своего быта не обнаруживают коренных отличий от остальных украинцев». Затем авторы указывают, что «гуцулы потомки вольных воинов славянских дружин». Но уже на стр. 150 эти дружины исчезают и на сцену появляются киевляне, ставшие предками гуцулов: «Предки гуцулов пришли в горы из мест, расположенных вблизи от большого торгового города, может быть, Киева». Все эти вымыслы противоречат историческим фактам. Население Закарпатья, как и северного Прикарпатья (Галиция), является исконным, аборигенным. Отдельные группы этого населения имеют некоторые различия в материальной культуре, но эти различия, во-первых, в некоторых случаях, сохраняясь до наших дней, унаследованы от более древних групп этнического массива, из которого образовались восточные славяне, а, во-вторых, появились в более позднее время, под влиянием географо-экономических условий. Легенды о поселении военных дружин, о заселении края и т. д. имеют несколько иную основу. Она состоит в том, что «невыносимый экономический и социальный гнет со стороны панов»¹⁴ вызвал борьбу крестьян, известную под названием движения «опришков». Последние начали действовать на рубеже XVI—XVII вв.»¹⁵, но их выступления имели место и в XVI и XVIII вв. Это были небольшие группы партизанских отрядов, состоявшие из местных крестьян. Получая поддержку от украинского крестьянства, опришки действовали против помещиков, громя их имения. Иногда отдельные группы опришков вырождались в бандитов. Движением опришков были охвачены Снятинское, Коломыйское, Галицкое, Стрыйское, Дрогобычское и Самборское старства, т. е. все старства, расположенные на северных склонах Карпат¹⁶. На этой территории были расположены главным образом скотоводческие села, жившие по так называемому «валашскому праву». Это были в основном свободные от крепостной зависимости крестьяне. «Существование на территории Прикарпатья двух типов сел: земледельческих, где действовало русское право, и скотоводческих, валашских,— делает понятной создавшуюся в опришковском движении ситуацию, при которой территорией формирования опришковских отрядов, где они находили побратимов, участников, укрывателей, были горные валашские села; основные же массы беглого крестьянства, наполнявшие эти отряды, притекали из нижнего пояса подгорья»¹⁷. Опришки северного Прикарпатья держали тесную связь с крестьянским населением Закарпатья, о чем имеется огромное количество документов в галицийских и в закарпатских архивах. Немало сохранено народом различных легенд об опришках. Такие районы Закарпатья, как Ясиньская котловина, ныне густо населенная, но мало доступная в прошлом, и район Чорна гора, примыкали к Коломыйскому району, который был одним из центров опришковского движения. Вероятно, многие из опришков после разгрома движения поселились в Ясинском районе Закарпатья, среди родственного украинского пастушеского населения (валашского права); именно здесь больше всего сохранилось легенд об опришках и их руководителе Олексе Довбуше. Здесь же возникли и легенды о «вольных войнах славянских дружин», о «потомках вольных гуцульских дружин», о «пришельцах из большого торгового города» и т. п. Нет никакого основания считать, что все население Закарпатской «гуцульщины» является потомками каких-то военных дружин, неизвестно откуда пришедших. Все население, за исключением отдельных элементов, аборигенное, восточнославянское, ныне украинское. Да и название «гуцул» появилось после опришковского движения в начале XIX в., ибо еще в конце XVIII в. оно не было известно. Что способствовало распространению этого названия,— пока не установлено, но несомненно, что название «гуцул» в какой-то мере связано с памятью об опришках. Слово «гуцул» в начале своего возникновения не являлось определением национальной принадлежности или названием этнической группы.

В. А. Анучин и А. И. Спиридонов правильно указывают на то, что у гуцулов сильно развито прикладное искусство: резьба по дереву, вышивка, керамика и т. п. Однако авторы дают в корне неправильное объяснение этого явления. Они считают, что подобное прикладное искусство сохранилось здесь потому,

¹⁴ П. Г. Богатырев, Фольклорные сказания об опришках Зап. Украины, «Советская этнография», V, 1941, стр. 59.

¹⁵ Е. Дракохруст, Галицкое Прикарпатье XVI века и движение опришков, «Вопросы истории», 1948, № 1, стр. 35.

¹⁶ Там же, стр. 37.

¹⁷ Е. Дракохруст, Указ. раб., стр. 58.

что «предки гуцулов пришли в горы из мест, расположенных вблизи от большого торгового города, может быть Киева, где они занимались ремеслом» (стр. 150). Искусство ремесленников, работавших на заказ или на рынок, не могло (да и не имело условий) для своего развития. Высокое прикладное искусство горного ското-водческого населения Закарпатья развивалось совершенно на другой базе. Находясь почти круглый год на пастбищах со скотом, мужчины, имея много свободного времени, занимались выделкой и украшением различных вещей домашнего обихода не для рынка, а для себя. Именно на этой почве выросло искусство резьбы по дереву. Художественные вышивки и украшения костюма создавались женской частью населения также не на рынок, не на продажу, а только для себя. Проникновение торгово-капиталистических отношений в среду этого горного населения послужило, особенно за последние 30 лет, причиной полного упадка подобного прикладного искусства. Только теперь, с воссоединением Закарпатья с Украинской ССР, в условиях социализма, для горного населения Закарпатья открылись широкие возможности возрождения своего искусства.

Обращает внимание довольно путаная языковая характеристика населения Закарпатья, изложенная В. А. Ануциным и А. И. Спиридоновым на стр. 93. Здесь имеется только одна правильная мысль: закарпатский язык «в большей мере, чем какой-либо другой из восточнославянских языков, сохранил в себе черты того общего славянского языка, на котором говорили предки русских, украинцев и белорусов во времена Киевской Руси» (стр. 93). Все же остальное так перепутано, что трудно что-либо понять. Например: «наречие лемков и бойков очень напоминает церковно-славянский язык»; «понять наречие бойков и лемков легче, чем понять украинскую речь»; «сохранилось много слов, имеющихся в русском, но которые не попали в украинский», и т. д. Здесь же и прямо противоположное: «Находясь в многовековой зависимости от мадьяр... все же сумели сохранить родной язык, сумели отстоять против мадьяризации, сохранившись как часть украинского народа» (подчеркнуто мной.— И. С.). В следующей фразе тех же бойков и лемков авторы делают на «долинян» и «верховинцев», причем утверждают, что только «долиняне» по языку «ближе всех к русскому языку» (стр. 93). Нет надобности доказывать, что язык закарпатских украинцев в своей основе — украинский и й. Наличие же местных диалектов, сохранивших древние пережитки, общие для всех восточных славян, и воспринявших в более позднее время словарный материал соседних народов, не дает права делить этот язык на «церковно-славянский» и затем «ближе стоящий к русскому» и т. д. Авторам следовало бы обратиться за консультацией к лингвистам или взглянуть хотя бы в 55-й том Большой Советской Энциклопедии, где на стр. 956—964 дана подробная характеристика украинского языка в целом и закарпатского в частности.

Закарпатские украинцы гордятся своими художниками, поэтами, писателями, профессорами, работающими в Ужгородском университете. В Ужгороде и Мукачево работает большой коллектив историков, археологов, биологов, зоологов и других специалистов. По всей области в начальных и средних школах трудятся не одна сотня учителей из местных жителей. На транспорте и в промышленности имеются десятки инженеров-специалистов; нельзя забывать и о врачах. Сейчас в условиях строительства социализма этой интеллигенции явно недостаточно, предстоит огромнейшая работа по подготовке новых по качеству кадров советской интеллигенции. Поэтому было бы клеветой утверждать вместе с В. А. Ануциным и А. И. Спиридоновым, что «украинская интеллигенция, как правило, ограничена священниками и отчасти учителями» (стр. 100).

В книге В. А. Анучина и А. И. Спиридонова имеется еще много других неточностей и несообразностей. Отметим только два весьма досадных искажения. На стр. 117 и 118, описывая приспособление для складывания сена, авторы называют его «борот», повторяя этот термин несколько раз, тогда как местное его название «оборуг» (или оборуг, в зависимости от местного диалекта). На стр. 118 помещено фото с подписью: «заготовка сена на полонинах гуцульщины». В действительности, одежда мужчины и женщины, снятых у копны сена, указывает, что снимок сделан совсем не на «гуцульщине», а в Довжанской долине, т. е. не в восточной части Закарпатской области, а в центральном ее районе. На стр. 161 говорится о преобладании квадратных окон в украинских мазанках Закарпатья. Работая в экспедиции Института этнографии Академии Наук СССР, я посетил в различных частях области 68 сел, где произвел обмер 400 украинских хиж (мазанок и не мазанок), а также сфотографировал около 500 жилищ, но нигде не видел квадратных окон, тем более выходящих на балкон, как это утверждают авторы.

И. Симоненко

Б. Н. Путилов. *Исторические песни на Тереке*. Подготовка текстов, статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1948, 143 стр. («Фольклор Терского казачества», сборник 2).

В отличие от первого выпуска «Фольклора Терского казачества» («Песни гребенских казаков», Грозный, 1946), состоявшего из новых записей песен, сделанных экс-